

ПОЗИЦИЯ СОЦИОЛОГА В ПОНИМАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

А. С. Кравец, И. Ю. Тихонова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 ноября 2020 г.

Аннотация: в данной работе основное внимание уделено концепции А. Шюца, которого в большей степени интересовал вопрос о том, как люди в жизненном мире, совершая социальные действия, понимают друг друга. В статье рассматривается вопрос о возможностях понимания социальных действий со стороны его различных наблюдателей, выделяются позиции заинтересованного в успехе интеракции партнера действующего субъекта, независимого случайного наблюдателя и ученого-социолога, выявляются шансы на понимание субъективных смыслов. А. Шюц различает рациональную позицию в основе социального действия индивидов и рациональную модель этого действия, сконструированного социологом. В жизненном мире партнеры ориентируются на взаимопонимание ego и alter ego, а ученый исходит из позиции, определяемой целями научного исследования. В статье раскрываются возможности понимания действий актора, его влияние на коммуникативного партнера и специфика деятельности ученого-социолога по реконструированию мотивов действий участников интеракции. Особое внимание уделяется принципу субъективной интерпретации социального действия в понимающей социологии. **Ключевые слова:** социальное действие, социальная роль, интеракция, понимающая социология, актор, жизненный мир, Шюц.

Abstract: this work focuses on the concept of A. Schutz, who was more interested in the question of how people in the life world, performing social actions, understand each other. The article considers the question of the possibilities of understanding social actions on the part of its various observers, highlights the positions of the actor involved in the interaction of the partner interested in the success of the interaction, an independent random observer and a sociologist, identifies chances for understanding subjective meanings. Schutz distinguishes between a rational position at the basis of the social action of individuals and a rational model of this action, constructed by a sociologist. In the life world, partners are guided by a mutual understanding of ego and alter ego, and the scientist proceeds from a position determined by the goals of scientific research. The article reveals the possibilities of understanding the actions of the actor, its influence on the communicative partner and the specifics of the activities of the scientist-sociologist in reconstructing the motives for the actions of the participants in the interaction. Particular attention is paid to the principle of subjective interpretation of social action in understanding sociology.

Key words: social action, social role, interaction, understanding sociology, actor, life world, Schutz.

Интерес к проблеме социального действия возник в 30-х гг. XX столетия в американской социологии. В рамках так называемого «символи-

ческого интеракционизма» (Дж. Мид, Г. Блумер) было введено понятие «социальной роли» [1–8].

Основателем другой концепции социального действия, получившей название *структурно-функциональной*, является выдающийся американский социолог Т. Парсонс, опубликовавший в 1937 г. фундаментальный труд «Структура социального действия» [4]. Поскольку в его теории социального действия главное место занимают общие социальные нормы, формирующие *социальный порядок* этих действий, его теорию называют еще *нормативной*.

Социальное действие, по Т. Парсонсу, не является индивидуальным автономным актом, но детерминировано существующим социальным порядком.

Социологом, который впервые глубоко поставил вопрос о *понимании* индивидуальных социальных действий, стал М. Вебер. Этот «королевский» вопрос звучит так: каким образом посторонний наблюдатель, следя за действием актора (т. е. действующего индивида), может судить о его смысле? Свою теорию немецкий социолог назвал «понимающей социологией» [2]. Прежде всего, Вебер вводит понятие социального действия, которое должно удовлетворять двум условиям: иметь смысл, т. е. быть осмысленным, и быть направлено на другого индивида.

Немецкий социолог вводит два ключевых понятия смысла: *субъективного смысла* и *объективного смысла*. Объективный – это смысл манифестированных и, следовательно, наблюдаемых действий актора. Он, по Веберу, понятен каждому и не требует особых разъяснений. Хотя Вебер не проблематизирует вопроса об объективном смысле, из его пояснений становится ясно, что наблюдаемые действия понятны нам, поскольку они *типичны* и имеют общий смысл для каждого индивида, в том числе и для социолога.

Субъективный смысл – это смысл актора, направленный на осуществление социального действия. Он всегда находится в сознании действующего субъекта. Для инициации социального действия необходим мотив, побуждающий актора действовать (или не действовать) определенным образом. Именно субъективный смысл представляет основную задачу для социолога (или другого наблюдающего индивида) в полном понимании совершаемых действий.

По Веберу, понимание социального действия начинается с установления его «объективного смысла», т. е. того, что делает актор. Наблюдатель, опираясь на манифестированные действия актора, пытается установить их скрытый мотив, субъективный смысл, тогда как сам действующий начинает с конституирования мотива и затем совершает реальные (наблюдаемые) действия. Смысл мотива действующего субъекта для наблюдателя действий всегда является его личностной интерпретацией.

Каким же образом, по мнению Вебера, социолог может реконструировать субъективный смысл актора? Здесь немецкий социолог прибегает к ключевым и взаимосвязанным в его концепции понятиям *рациональ-*

ности и идеального типа. Идеальный тип – это индивид, действующий рационально.

«Рациональность», по Веберу, означает *осмысленность* всех компонентов действия самим актором. Наиболее понятной для наблюдателя является именно рациональная деятельность актора, которой присуща определенная логика смысла: мотив логично перетекает в цель, цель предопределяет выбор соответствующих средств и действий. Поэтому, отправляясь от смысла наблюдаемых действий, к реконструкции мотива актора, социолог может восстановить эту «логику смысла». Задача реконструкции мотива, по Веберу, опирается на принцип *смысловой соотнесенности* мотива, находящегося в сознании актора, и объективного смысла манифестированных действий, проинтерпретированных наблюдателем. Только рациональные действия можно понять, основываясь на принципе смысловой соотнесенности объективного и субъективного смыслов. Действий, лишенных субъективного смысла, согласно Веберу, мы не понимаем.

Наиболее рациональным и соответствующим *идеальному типу*, по Веберу, является *целерациональное* действие, все элементы и этапы которого пронизаны продуманными и согласованными смыслами актора.

Аффективная и *традиционная* типы деятельности, по Веберу, выходят за пределы рациональности, т. е. ее осмысленности актором. Аффективное действие обусловлено «аффектами или эмоциональным состоянием индивида» [2, с. 627]. Традиционное действие «основано на длительной привычке» [там же] или подражании другим (группе, сословию и т. п.).

Ролевые концепции социального действия и понимающая социология Вебера не вызывали сомнений у ученых в том, что они имеют дело с вариантами социологической теории. Однако положение изменилось с выходом работы А. Шюца «Смысловое строение социального мира».

Концепция понимания социальных действий А. Шюца принципиально отличается и от ролевой концепции (иногда называемой *нормативной*), и от понимающей социологии Вебера. Свою концепцию Шюц назвал феноменологической, поскольку она опиралась на трансцендентальную феноменологию Э. Гуссерля. Последний не занимался проблемой понимания человеческих действий посторонним наблюдателем, но ставил вопрос о формировании человеческих смыслов, что и привлекло внимание Шюца.

Э. Гуссерль исчерпывающе ответил на вопросы «что такое смысл?» и «как он конституируется индивидом?». Но как наблюдающий индивид может понять смыслы действий Другого (*alter ego*), Гуссерля не интересовало. Зато этот вопрос стал главным для А. Шюца, и ответ на него он дает в своей социальной феноменологии.

Новация самого Шюца состояла именно в том, что, поставив задачу раскрытия процесса понимания социальных действий, он решительно переходит к *естественной установке*, в которой обычные люди формируют все социальные смыслы и понимают действия друг друга. К этому

же жизненному миру принадлежит и сам социолог, у которого, по мнению Шюца, нет никаких преимуществ перед другими людьми в понимании общего для них мира. Все эти феномены наделены общими (интерсубъективными) человеческими смыслами. Общие (типические) смыслы мира и человеческих действий содержатся уже в общем национальном языке.

А. Шюц подвергает критике позицию М. Вебера по вопросу о различении объективного и субъективного смыслов. Он показывает проблематичность самого понятия «объективного смысла». Объективный смысл, устанавливаемый наблюдателем, – это всегда смысл наблюдателя, возникающий в процессе интерпретации наблюдаемых действий актора. Так, наблюдатель опознает в действиях лесоруба объективный смысл – «рубка леса». В опыт обычного наблюдателя не входит знание какой-либо профессиональной деятельности. Вообще говоря, в установке на «объективный смысл» наблюдатель, по существу, производит *означение* внешних феноменов, подобно тому, как услышав лай собаки, он говорит: «Собака лает». Это и есть веберовский «объективный смысл». Все смыслы проявляемых, манифестированных действий в жизненном мире уже находятся в надличностном запасе интерсубъективных социализированных знаний. Успех такого *узнавания* наблюдателем смысла манифестированных действий актора обусловлен общими знаниями, приобретенными в процессе социализации в общем жизненном мире.

Однако подлинную трудность для наблюдателя представляет *субъективный смысл* действующего индивида. В него входят все предварительные *замыслы* практически осуществляемых действий: их мотивы, цели, планы реализации, выбор подходящих средств, – т. е. всё то, что обычно называют продуманным смыслом практических действий актора. Если такие смыслы всех компонентов будущих практических действий актора были конституированы в его сознании, то эти действия считают осмысленными. Но как пробиться к этим субъективным смыслам, каковы шансы наблюдателя в распознавании этих смыслов? Ведь эти смыслы находятся в сознании актора, потоке его переживаний (пользуясь терминологией Гуссерля), вход в который закрыт для внешнего наблюдателя. С этим согласен А. Шюц, и всё же он строит свою социальную феноменологию, направленную на установление различных *шансов* понимания субъективных смыслов (находящимся в сознании деятеля) внешним наблюдателем. Эти шансы могут появиться, с точки зрения Шюца, в особых условиях контакта действующих (ego и alter ego): совместного проживания, внимания друг к другу, родственной или дружеской близости, совместимости интересов и т. д.

Шюцевская трактовка мотивов отличается от веберовской. А. Шюц вводит два понятия мотива. Первый тип – это мотив «*для того, чтобы*», направляющий и регулирующий деятельность. В нем актор предвосхищает будущий результат деятельности. Второй тип – это мотив «*потому, что*», отвечающий на вопрос, почему актор приступил к той или иной

конкретной деятельности. Он лежит вне осуществления плана деятельности и коренится в личностных обстоятельствах жизни актора.

Заслужой А. Шюца является анализ различных ситуаций отношений ego и alter ego, в которых он оценивает шансы понимания субъективного смысла alter ego. Исходной моделью понимания у Шюца является двучленное отношение «Я – Другой». Эти отношения могут различаться степенью внимания друг к другу и их близостью.

Взаимопонимание «Я – Ты», согласно Шюцу, имеет свои объективные и субъективные шансы. Объективный шанс, в понимании Другого, заключается в том, что я обращаю внимание на Другого, включая его деятельность (вернее, манифестированные ее симптомы) в план своего сознания (в поток своей длительности), а Другой, в свою очередь, находится по отношению ко мне в такой же установке на alter ego. Другими словами, между нами устанавливаются корреспондирующие отношения. Если я обращен к Другому с замыслом мотива «для того, чтобы», а он, в свою очередь, относится ко мне заинтересованно, с замыслом мотива «потому, что» (т. е. готов ответить мне соответствующей реакцией), то можно говорить об установлении между нами социального отношения. А значит, существует реальный объективный шанс нашего взаимопонимания. Такую ситуацию взаимных установок на взаимное понимание Шюц называет ситуацией «лицом-к-лицу».

Идеальным случаем объективного шанса во взаимопонимании является диалог.

По мнению Шюца, условия понимания существенно различаются в «ближнем» и «дальнем» кругах наблюдения. Ближний круг характеризуется Мы-отношением – непосредственным контактом Я и Ты в установке внимания друг к другу и взаимного воздействия сознаний Ego и Alter ego. Дальний круг характеризуется как Вы-отношение.

Каковы же отличительные качества Мы-отношения? Первый признак (и одновременно условие) – это близость партнеров, дающая возможность осуществления корреспонденции переживаний в установке на Другого, чем обеспечивается объективная возможность пофазовой синхронизации этих переживаний, когда мне доступны не только результаты твоей деятельности в *modoplusquamperfecti* (т. е. в модусе прошедшего), но и замыслы твоей деятельности в *modofuturiexacti* (т. е. в модусе будущего).

Второй признак, который обусловлен близостью, – это совпадение смысловых контекстов, в которых живем Я и Ты. Тем самым обеспечивается высокая, по Шюцу, адекватность понимания Другого.

Пожалуй, наиболее характерным признаком Мы-отношения, по Шюцу, является особая интимность отношений Я и Ты. Мы не просто соотносим наши переживания в момент Здесь и Сейчас – мы проживаем общую жизнь, мы стареем вместе. Только в Мы-отношении возникает возможность такого социального отношения, которое можно назвать диалогическим, когда мои мотивы-для (т. е. мой замысел в отношении тебя) становится мотивом «потому, что» в твоей установке на меня.

Шюц не принимает известной концепции «вчувствования» в понимании субъективного смысла, ибо это означало бы возможность вхождения наблюдателя в «поток переживаний» наблюдаемого субъекта, подмену сознания действующего сознанием наблюдателя. Как верный ученик Гуссерля, он принимает тезис своего учителя о закрытости субъективного мира переживаний Другого. Тем не менее для понимания «Так-бытия» действующего индивида Шюц вводит весьма сомнительную концепцию «сопереживания», которая предполагает пофазовую согласованность переживаний ego и alter ego, что делает позицию наблюдателя эмпатически близкой позиции актора.

Но здесь Шюц входит в противоречие с самим собой, ибо он уже раньше признал тезис Гуссерля о закрытости «потока переживаний» для любого внешнего наблюдателя. Только сам действующий знает, что он будет делать. Любой внешний наблюдатель строит свои предположения о субъективном смысле действующего, опираясь на личностную интерпретацию наблюдаемых симптомов или объективированных действий alter ego. Следовательно, концепция «сопереживания» так же бесплодна, как и концепция «вчувствования».

Вместе с тем в «Мы-отношении» действительно появляются наибольшие шансы в понимании Другого. Но дело здесь не в особой способности наблюдателя в проникновении в поток переживаний alter ego, а в появлении реальной герменевтической подсказки для обнаружения субъективных (личностных) смыслов. Мы имеем в виду общий *жизненный контекст*, сопричастный действиям ego и alter ego. В этом ближнем круге, сталкиваясь «лицом-к-лицу» с «alter ego» и проявляя постоянное внимание к его действиям и высказываниям, я получаю дополнительные шансы к различным фазам зарождения замыслов, целей и мотивов созревающего действия моего друга. Именно в этой, непосредственно взаимосвязанной ситуации общения индивидов у каждого из них возникает возможность реализовать эмпатию, т. е. встать на позицию понимания Другого. К тому же у каждого из нас всегда есть дополнительная возможность задать своему визави вопрос и получить ответ, т. е. вступить в диалоговые отношения.

Установку на Другого в более широком социальном окружении (дальнем круге) Шюц называет установкой на Вы-отношение. Это отношение имеет разные степени удаленности от Мы-отношения, начиная со стороннего наблюдения за alter ego вплоть до его теоретического познания в социально-гуманитарных науках. Другой в отстраненном наблюдении дан мне опосредованно и анонимно, как человек *типичный*.

Все мои выводы относительно Другого в Вы-отношении я могу делать не как участник интеракции, но как посторонний наблюдатель. Когда я пытаюсь судить о Другом в Вы-отношении, мне дан исключительно объективный смысловой контекст, но не доступно Так-бытие Другого в его конкретике, в потоке длительности, в его живой интенциональности, обусловленной фактической ситуацией Сейчас, Здесь и Так. В своих су-

ждениях о Другом я опираюсь на свои знания (рекогниции) о том, что обычно делают люди в подобных ситуациях. Поэтому, по мнению Шюца, субъективный смысл актора мне не доступен.

Именно поэтому в Вы-отношении познается не конкретная личность с ее неповторимыми замыслами и переживаниями, а *идеальный тип*, чем, по мнению Шюца, оправдывается установка Вебера на познание идеальных типов в понимающей социологии. В дальнем круге акторы предстают перед исследователем «не в их индивидуальном Так, а именно в качестве “почтовых служащих”, “принимающих деньги кассиров”, “жандармов”» [5, с. 917]. Познание идеально-типического означает, что наблюдатель в Вы-отношении всегда ориентирован на раскрытие инвариантов деятельности: типичным действиям приписываются типичные мотивы. Самообман понимания Другого в Вы-отношении заключается, по мысли Шюца, в том, что «*произведенный таким образом идеальный тип не живет, а ведет лишь призрачное подобие жизни*» [там же, с. 926].

Роль наблюдателя в Вы-отношении Шюц сравнивает с работой Пигмалиона, создавшего ожившую статую. Ведь пониманию Другого в позиции теоретика предшествует *предпонимание* (Гадамер), т. е. заготовленные пустые формы идеальных типов, которые исследователь (например, социолог) заполняет эмпирическим содержанием, почерпнутым из каких-либо свидетельств (зафиксированных в различных источниках действий Другого, высказываниях современников, ответах на анкетные вопросы и т. п.). Переходя от наблюдения действий Другого в ситуации «лицом-к-лицу» к анализу эмпирических свидетельств его деятельности, мы имеем дело с нарастающей анонимизацией Другого, в которых реконструкция мотива всегда является вероятностной интерпретацией наблюдателя. Таким образом, в опосредованной ситуации (тем более при анонимности актора), по мысли А. Шюца, нам не удастся пробиться к подлинному субъективному смыслу.

Концепция социальной феноменологии А. Шюца имела широкий резонанс в кругах философов и социологов. Многие считали позицию Шюца позитивной, открывающей новые горизонты понимания социальных действий по сравнению с ролевой концепцией и концепцией М. Вебера. Другие же считали его концепцию не соответствующей статусу научной социологии. В своей критике эти ученые обратились к дискуссии относительно принципиальных различий естественнонаучных и гуманитарных наук, посчитав, что любая научная теория должна соотноситься с наблюдаемыми фактами. В отличие от претензий науки на объективную картину мира, Шюц считает принципиальным постулат субъективной интерпретации смыслов. Любая научная теория базируется на научных методах и понятиях, позволяющих выявить сущность познаваемого предмета, тогда как Шюц говорит о приоритете жизненных (повседневных) смыслов в понимании социальных действий. Многие критики даже упрекали Шюца в том, что он в своей концепции социальной феноменологии не отличает позицию «профана» (т. е. рядового обывателя) в пони-

мании Другого от позиции социального ученого. В своих специальных статьях Шюц попытался дезавуировать указанные обвинения. Вместе с тем он показал ограниченность ролевой и веберовской концепций в трактовке понимания социальных действий.

Прежде всего, Шюц уточняет понятие *наблюдателя* действий актора (*alter ego* в терминологии нашего феноменолога). Таким наблюдателем может быть: 1) заинтересованный наблюдатель, т. е. являющийся участником интеракции, партнером в общем коммуникативном процессе с действующим; 2) незаинтересованный наблюдатель, оказавшийся случайным свидетелем действий индивида и не участвующий в совместной интеракции с ним; 3) социолог, решающий определенную научную задачу в интерпретации действий актора.

Говоря о возможностях понимания действий актора незаинтересованным наблюдателем, Шюц утверждает: «Смысл действия существенно различен а) для действующего; б) для коммуникативного партнера, имеющего с ним общую систему релевантностей и целей; в) для невовлеченного наблюдателя» [6, с. 26].

Коммуникативный партнер является соучастником интеракции, вносящим свой вклад в успех общего дела. Условием этого успеха должно быть взаимопонимание коммуникантов, основанное на принципе «взаимности перспектив» общего дела. Невовлеченный наблюдатель, как правило, бывает случайным свидетелем наблюдения либо одиночных действий индивида, либо совместной интеракции двух индивидов. Этот посторонний наблюдатель не участвует никоим образом в наблюдаемых действиях акторов, не вступает с ними ни в спор, ни в сговор. Его не интересует конечная цель этих действий, да и сами действия представлены его взору фрагментарно. Такой наблюдатель не участвует в сложном зеркальном отражении, свойственном образцам взаимодействия современников, в которых «мотивы-для» действующего лица становятся понятны его партнеру как его собственные «мотивы-потому-что», и наоборот. Именно этот факт конституирует так называемую «незаинтересованность» или отстраненность наблюдателя.

Что может понять такой наблюдатель? Незаинтересованный наблюдатель может понять объективные смыслы манифестированных (наблюдаемых) действий акторов, которые являются типическими, т. е. общими для всех обитателей жизненного мира. Он может попытаться сконструировать и субъективные смыслы (т. е. мотивы) действующих, опираясь на житейское предположение, что типичным действиям соответствуют типичные мотивы. Безусловно, и объективный смысл, и субъективный смысл будут конструкциями (интерпретациями) самого наблюдателя, а не действующего. «Конструкты наблюдателя, – утверждает Шюц, – следовательно, отличны от тех, которые используют участники взаимодействия, по той причине, что цель наблюдателя отлична от цели взаимодействующих лиц, и, значит, системы релевантностей, соответствующие этим целям, также различны» [там же, с. 28].

Переходя от ситуации «Я-Ты» к ситуации «Я-Мы» и далее, к отношению «Я-Вь», наблюдатель всё более отстраняется от личностной, интимной и неповторимой жизненной ауры созидания субъективного смысла самим актором и вынужден ориентироваться на «тип». Так в сознании наблюдателя возникает персональный тип действующего, всегда частичный, не охватывающий всей полноты жизни индивида, его переживаний, но позволяющий приписать этому действующему субъекту типичный мотив. По мнению Шюца, проблема типа (и типического) возникает не только в методологии М. Вебера, но, прежде всего, в самом жизненном мире, повседневных практиках обычного обывателя. Незаинтересованный наблюдатель всегда в своих трактовках действий Другого опирается на сконструированный им тип действующего.

Теперь можно обратиться к особой роли социолога, который тоже относится к невовлеченным (термин «незаинтересованность» здесь не очень адекватен) наблюдателям интеракций или индивидуальных действий индивидов. С одной стороны, этих персонажей объединяет *не-участие* в интеракциях акторов, с другой – социолог, приступая к наблюдению осуществляемых действий, проявляет свою заинтересованность в их понимании, исходя из целей научного исследования.

Интеллектуальные действия социолога, ориентированные на понимание актора, распадаются на два этапа. Во-первых, прежде всего социолог, по мнению Шюца, должен, понять, что делают акторы, как они поступают в конкретной жизненной ситуации. Этот первичный слой знаний (т. е. типических смыслов) социолог разделяет вместе с обитателями жизненного мира. Во-вторых, решая свою научную задачу, социолог вынужден покинуть жизненный мир, в котором живут действующие его обитатели, и вступить в мир науки с его методами идеализации, абстрагирования, анализа, обобщения. Это погружение в мир научных знаний отличает ученого (социолога) от «профана» – рядового обитателя жизненного мира.

Подходя к решению научной задачи понимания социальных действий, социолог уже не может опираться на взаимность смысловых перспектив с актором. Он не только не взаимодействует с наблюдаемым индивидом – он (как правило) и не пересекается с его биографической историей. Именно для раскрытия субъективного и объективного смыслов действий ученый прибегает к конструктам научного характера: категориям, моделям, операциям отбора релевантных факторов в наблюдениях. «Понятия, сформулированные социальным ученым, – по мнению Шюца, – являются *конструктами конструктов* (курсив мой. – А. К.), созданных в повседневном мышлении действующими людьми на социальной сцене» [7, с. 64]. Если в жизненном мире главенствует конструкт типического, то в научном мире ученого главным конструктом теории становится *рациональность*.

«Научный наблюдатель образцов человеческих взаимодействий, социальный ученый, – пишет Шюц, – должен разработать специальные

методы построения своих конструктов, чтобы быть уверенным в их способности интерпретировать субъективные значения действий так, как их видят сами действующие лица. Среди подобных приемов нас особенно интересуют конструкты так называемых моделей рациональных действий» [6, с. 28]. Шюц признает, что всякая научная теория (не только социальная, но и естественнонаучная) должна быть рациональной. Здесь Шюц пытается защитить свою социальную феноменологию от критики со стороны социологического сообщества.

Шюц придерживается трактовки рациональности действия довольно близкой к веберовской трактовке. Соглашаясь с мнением Вебера, Шюц считает, что «рациональность» предполагает, что «действующий должен иметь ясное и отчетливое представление обо всех элементах каждого проектируемого образа действия» [там же, с. 31].

Вместе с тем А. Шюц различает рациональную позицию, которая лежит в основе социального действия индивидов в определенной жизненной ситуации, и рациональную модель этого действия, сконструированную социологом. В жизненном мире индивид всегда использует типическое знание в планировании действия. Типическое имеет общий смысл для всех обитателей жизненного мира. По мнению Шюца, рядовой индивид в жизненном мире не рефлектирует по поводу происхождения и основательности выбора типических действий. Он просто усваивает, запоминает по мере взросления смыслы социальных действий, содержащиеся в символическом универсуме, т. е. надличностном знании (по Марксу – в общественном сознании), и применяет их в своей практике. Этот процесс обычно называется социализацией. Однако интериоризация этих типичных смыслов в сознании различных индивидов не одинакова и зависит от их личностной биографической истории. Не каждый может забить молотком гвоздь, не повредив пальцев.

Установка ученого в понимании социальных действий существенно иная, нежели установка обывателей в жизненном мире. Если в жизненном мире знакомый или партнер ориентируются на взаимопонимание *ego* и *alter ego* и имеют для этого объективные шансы в ситуациях «лицом-к-лицу», то ученый исходит из *научной позиции*, определяемой целями научного исследования. Его научная позиция уже не обусловлена собственной биографической историей, а порождена корпусом научных знаний. Эта позиция не предполагает ни «сопереживания», ни эмпатии друг к другу. Научная позиция, по Шюцу, в некотором смысле переключается с веберовским принципом свободы ученого от ценностей. Ученый не должен критиковать взгляды действующего субъекта или восхищаться ими, он не должен вступать с ним в спор или агитировать действующего перейти с позиции иррационального мотива на рациональный мотив. Социолог должен лишь зафиксировать наблюдаемые действия актора и реконструировать тот мотив, который с точки зрения научной модели соответствует причине «потому, что» или цели «для того, чтобы».

Прежде всего, социолог выявляет круг необходимых релевантностей с точки зрения сущности интерпретируемого действия и его мотива. Эта

система релевантностей может существенно отличаться от круга релевантностей самого актора. И это понятно, ибо социолог отнюдь не преследует тех целей, которых добивается актер. У социолога свои цели в наблюдении действий актора. Научная ситуация, по мнению Шюца, «определяет уровень исследования в самом широком смысле, т. е. абстракции, обобщения, формализации и идеализации, словом, конструкты, необходимые и приемлемые для рассмотрения и решения проблемы. Иными словами, научная проблема является местом встречи (“локусом”) всех возможных конструктов, релевантных ее решению, и каждый такой конструкт несет на себе печать отношения к той проблеме, ради которой он создан» [там же, с. 38].

Типическое в жизненном мире «превращается» в теории социолога в рациональный мотив, теоретический конструкт, позволяющий истолковать его в принятой научной модели как основание наблюдаемых действий. Это отнюдь не означает, что социолог «буквально» трансформирует иррациональное, бытующее в сознании субъекта, в рациональное. Ученый вообще не воздействует на сознание наблюдаемого индивида. Для него важно лишь то, что на самом деле послужило мотивом (побуждающим фактором) действия для актора, и совершенно безразлично, на какие смысловые (или мировоззренческие) основания индивид опирался в своих первичных конструкциях мотива: на здравый смысл, религиозные убеждения, рекламу, политическую пропаганду или логически обоснованные аргументы. Об этом говорил еще Дюркгейм, когда отмечал различие в трактовке «объективности» в естественных науках и социологии. Если для физика объективно то, что существует в материальном мире, то для социолога объективными (в качестве предмета исследования) являются социальные институты, социальные действия, существующие религиозные и идеологические учения, укоренившиеся традиции, а также распространенные мнения и даже слухи, если они влияют на социальную жизнь. С подобной ситуацией мы сталкиваемся и в теории речевых актов, когда в суждениях используются перформативные глаголы: думал, утверждал, считал и т. д. Например, суждение Петрова, обращенное ко мне: «Я утверждаю, что Земля плоская», – с моей точки зрения является субъективным и ложным. Но если Я информирую третье лицо о данном высказывании (*Петров утверждает, что Земля плоская*), то оно уже является для него истинным и объективным. То же самое делает социолог, когда переводит первичные конструкты жизненного мира во вторичные конструкты своей научной модели, т. е. рассматривая их в качестве мотивов наблюдаемого социального действия.

По мнению Шюца, социальная теория должна быть объективной. Это означает, что все формы научного знания должны соответствовать исследуемому предмету и не содержать никаких субъективных факторов. Но социология социального действия предполагает обращение к субъекту и реконструкцию его личностного мотива. Более того, *субъективная интерпретация* действия, по Шюцу, является существенной отличительной чертой как социологии, так и других социогуманитарных наук.

Здесь следует подчеркнуть особенность трактовки принципа «субъективной интерпретации» Шюцем. Для ученых «субъективное» чаще всего понимается как ложное, искаженное, недостоверное представление какого-либо автора о каком-либо изучаемом предмете. В повседневном мире люди трактуют «субъективное» как пристрастное мнение конкретного индивида по какому-либо вопросу, как игнорирование сложившегося консенсуса (общей точки зрения), как противопоставление себя коллективу. У Шюца «субъективный принцип» означает специфическую (и необходимую) установку социального ученого или гуманитария на смыслы, которыми руководствуются в своих действиях индивиды, т. е. субъекты действия. «Субъективность» в данном случае трактуется Шюцем не как нечто ложное, пристрастное, религиозное и т. п., а как исходная направленность социолога на раскрытие имманентного смысла действия, мотивированного и запланированного действующим субъектом. Речь идет о первичном конструкте жизненного мира, на базе которого ученым строится социологическая теория, включающая вторичные конструкты (модели действия, его мотивы, планы).

Принцип субъективной интерпретации Шюц определяет как исходный постулат социальной теории. Лишь временно социолог может абстрагироваться в каких-либо научных целях от индивидуальных интенций (социальных, экономических, политических) действующих субъектов, т. е. от их мотивов, желаний, целей, реализуемых в их индивидуальных действиях. Строя макротеории общественных процессов (развития, кризиса, революции, модернизации и т. д.), ученые часто используют язык макропараметров: общество, власть, классы, инфляция, производительные силы, политические интересы и т. п. Но в основе этих макропроцессов, по Шюцу, всегда лежат действия индивидов. По его мнению, игнорирование принципа субъективной интерпретации в социальной теории понимания (*Verstehen*) недопустимо.

Следует заметить, что критики социальной феноменологии наиболее часто нападали именно на этот принцип «субъективной интерпретации», видя в нем угрозу идеалу научности теории (включающий требования её объективности и рациональности). Как бы отвечая на эту критику, Шюц заостряет этот вопрос о соотношении субъективного и объективного в теории. В этой дискуссии возникает два вопроса: 1) «как же можно схватить субъективное значение научными методами?» [там же, с. 36]; 2) «контекст значений любой системы научного знания является объективным знанием, но равно доступным всем ученым и их контролю, т. е. оно может быть подтверждено или опровергнуто ими. Как же можно схватить субъективные структуры значений в системе объективного знания? Не парадокс ли это?» [там же].

Шюцу удается блестяще разрешить указанный парадокс. Он указывает на роль вторичных (научных) конструктов, используемых социологом в создании теории социальных действий. Ученый создает научную модель действия, выявляет круг релевантностей, отвечающих (коге-

рентных) поставленной научной задаче. Проблема *объективации* субъективного смысла действия социальным ученым связана с построением научных моделей, опирающихся на трактовку мотивации субъекта как типичную для исследуемой группы индивидов, независимо от того, является ли она для самого субъекта иррациональной или рациональной. Ученый не занимается расколдовыванием мира, не превращает иррациональное (в сознании действующего) в рациональное, он вообще не воздействует на его сознание. Но строя модель социального типа, он опирается на научные конструкты: ролевые (Парсонс), логические (идеальный тип Вебера), типическое в жизненном мире (Шюц). Эти научные конструкты объективируются в теоретических моделях, языке науки.

Второй вопрос Шюца связан с проблемой адекватности (или истинности) социальной теории: социальная теория должна соответствовать социальной реальности. Требование адекватности универсально, ему подчиняются как естественные науки, так и социальные. Однако, если в естественных науках теория должна соответствовать изучаемым природным свойствам и законам, то социальная теория человеческих действий должна соответствовать субъективным (индивидуальным) действиям людей в жизненном мире. Это означает, что вторичные конструкты социального ученого (модель действия, конструкция мотивов «потому что» и «для того, чтобы») должны соответствовать их субъективным коррелятам в жизненном мире. Социальная теория базируется, по Шюцу, на трех постулатах:

а) постулат субъективной интерпретации, принципиально отличающий социальную теорию от естественных наук;

б) постулат логической последовательности, характерный для всех научных теорий;

в) постулат адекватности, разделяемый всеми учеными, но имеющий свою специфику в установлении истинности социальной теории. «Каждый термин в научной модели человеческого действия, – считает Шюц, – должен быть таким, чтобы индивидуальное человеческое поведение в жизненном мире, соответствующее этому конструкту, было бы понятно как самому действующему, так и его партнерам в терминах обыденных интерпретаций повседневной жизни» [там же, с. 43]. Следование этому постулату гарантирует совместимость конструктов социального ученого с конструктами обыденного опыта социальной реальности [там же, с. 44].

Социолог, как утверждает Шюц, строит вторичные, научные конструкты, своей теории, опираясь на первичные конструкты индивидов в жизненном мире, а именно, на «типическое» в жизненном мире. Но это означает, что хотя бы на первой стадии формирования своей теории ученый занимает позицию профана, ибо в роли незаинтересованного наблюдателя он должен понять, что делают люди и как они это делают, опираясь на типические смыслы действий. И лишь затем он обращается к вторичным конструктам, т. е. к теоретической интерпретации. Такое пребывание социолога в двух мирах Хабермас назвал «двойной

герменевтикой» [8, с. 8]. Строя социальную теорию, ученый прибегает к научным абстракциям, позволяющим ему построить научную модель социальных действий.

В своих научных конструкциях, как отмечает Шюц, ученый подменяет реальное сознание индивида, неким вымышленным им идеальным сознанием. Ученый приписывает «вымышленному сознанию набор типичных “мотивов-для”, соответствующих целям наблюдаемых образцов исполнения действия, и типичных мотивов “потому-что”, на которых основаны “мотивы-для”. Предполагается, что и тот и другой мотив остаются неизменными в голове воображаемой модели действующего» [6, с. 41].

Вместе с тем Шюц довольно скептически относится к возможностям адекватного понимания социальных действий с позиций распространенных социальных теорий. Существующие научные модели действующих лиц, с его точки зрения, «не являются людьми с собственной биографией, живущими в социальном мире повседневной жизни. Строго говоря, у них нет ни биографии, ни истории\$ и ситуация, в которой они находятся, определена не ими, а их создателем, социальным ученым. Он создал этих марионеток или гомункулов для собственных целей. Социальный ученый наделил их лишь видимостью сознания...» [там же].

Более широкие возможности для научного познания социальных действий, как, по-видимому, считает Шюц, открываются перед социальной феноменологией, ориентирующейся на реконструкцию «типического» в жизненном мире. Следует отметить, что и Ю. Хабермас указывал на герменевтические преимущества теории Шюца в понимании человеческих смыслов [8, с. 16].

Обе теории, критикуемые Шюцем, идут к пониманию социальных действий «сверху». По мнению Шюца, социологи придумывают вначале некое «вымышленное сознание», приписываемое действующим индивидам, и затем стараются навязать им в своей научной модели императивы ролевого или логического поведения. Социальный феноменолог идет другим путем. Он вначале обнаруживает типическое в самой жизни, а затем выстраивает социальную модель таких действий. Эта теория обеспечивает связь своих научных концептов с субъективными смыслами индивида (принцип субъективной интерпретации), логически последовательна (т. е. рациональна) и адекватна типичным действиям индивидов (т. е. претендует на истинность).

Литература

1. *Блумер Г.* Общество как символическая интеракция / Г. Блумер // Современная зарубежная социальная психология. – М., 1984. – С. 173–179.
2. *Вебер М.* О некоторых категориях понимающей социологии / М. Вебер // Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 602–644.
3. *Мид Дж. Г.* Избранное : сб. переводов / Дж. Г. Мид. – М., 2009. – 290 с.
4. *Парсонс Т.* О структуре социального действия / Т. Парсонс ; пер. с англ. Е. Молодцовой. – М. : Академ. проект, 2000. – 879 с.
5. *Шюц А.* Смысловое строение социального мира / А. Шюц // Избранное : мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 987–1007.

6. Шюц А. Обыденная и научная интерпретация человеческого действия / А. Шюц // Шюц А. Избранное : мир, светящийся смыслом. – М., 2004. – С. 7–51.

7. Шюц А. Формирование понятия и теории в общественных науках / А. Шюц // Американская социологическая мысль : тексты. – М., 1994. – 496 с.

8. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках / Ю. Хабермас // Социологическое обозрение. – 2008. – Т. 7, № 3. – С. 3–33.

Воронежский государственный университет

Кравец А. С., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой онтологии и теории познания

E-mail: kravets2011@mail.ru

Тихонова И. Ю., кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания

E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru

Voronezh State University

Kravets A. S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Ontology and Theory of Knowledge Department

E-mail: kravets2011@mail.ru

Tikhonova I. Yu., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Ontology and Department

E-mail: tikhonovaiu@yandex.ru